

Громогласов И. М. [Рец. на:] *Лебедев А. С.* Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. [Харьков, 1902; Он же.] Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности. [Харьков, 1902] // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 1. С. 185–192 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. А. С. Лебедевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губеріяхъ Курской и Харьковской. Харьковъ 1902. Стр. 99. Ц. не обознач. — Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ 1902. Стр. XIV+268. Ц. 2 руб.

Авторъ названныхъ произведеній пользуется заслуженною извѣстностью, какъ изслѣдователь южно-русскихъ архивовъ, преимущественно—духовнаго вѣдомства, и какъ составитель многочисленныхъ монографій церковно-историческаго содержания, обработанныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Таковы напечатанныя имъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно изслѣдованія о вотчинномъ бытѣ двухъ монастырей бывшей Бѣлгородской епархіи, о Харьковскомъ коллегіумѣ, какъ просвѣтительномъ центрѣ Слободской Украйны, о брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій, а также біографическіе очерки нѣкоторыхъ Бѣлгородскихъ архіереевъ (Антонія Черновскаго, Іоасафа Горленка, Феоктиста Мочульскаго) и сообщенія объ отдѣльныхъ эпизодахъ ихъ архипастырской дѣятельности (объѣздъ епархіи, заботы объ устроеніи духовныхъ школъ). Новыя книги проф. Лебедева стоятъ въ тѣсной связи съ этими прежними его архивными изысканіями и учено-литературными трудами. Первая изъ нихъ представляетъ отчетъ о результатахъ обзорѣ-

нiя архивовъ духовнаго вѣдомства въ губернiяхъ Курской и Харьковской, предпринятаго авторомъ въ 1900—1 г.г. по порученiю Московскаго Археологическаго Общества, при чемъ ему большею частiю приходилось имѣть дѣло съ тѣми самыми архивами, которые дали матеріалъ для другихъ, болѣе раннихъ его работъ. Неудивительно, что и на этотъ разъ вниманiе обозрѣвателя останавливается преимущественно на тѣхъ документахъ, которые своимъ содержанiемъ такъ или иначе соприкасаются съ предметами его прежнихъ изслѣдованiй, не опуская, однако, по мѣрѣ возможности, и другихъ, сколько—нибудь значительныхъ архивныхъ матеріаловъ. Въ книгѣ содержатся свѣдѣнiя о десяти архивахъ: Коренной Рождественской пустыни, Курскаго Троицкаго женскаго монастыря, Курскаго Знаменскаго монастыря, Курской духовной консисторiи, Путивльскаго монастыря, Глинской пустыни, Софронiевой пустыни, Рыльскаго монастыря, Сумской Преображенской церкви и Ахтырскаго соборнаго Покровскаго храма. Авторъ знакомитъ съ современнымъ состоянiемъ каждаго изъ этихъ архивовъ и затѣмъ приводитъ въ собственномъ изложенiи, выдержкахъ или подлинномъ текстѣ наиболѣе любопытные изъ найденныхъ имъ документовъ (преимущественно XVIII столѣтiя ¹⁾), ярко рисующiе старинныя порядки епархiальнаго управленiя, столкновенiя свѣтскихъ и духовныхъ властей, отношенiя между носителями духовной власти и подвластными, уровень духовнаго развитiя паствы и пасомыхъ, народныя суевѣрiя, отклоненiя въ расколъ и сектанство, вотчинный бытъ монастырей, монастырскiе нравы и т. п. Значительная часть этого въ высшей степени интереснаго бытового матеріала вошли и во второй, поименованный выше, новый трудъ проф. Лебедева, представляющiй вообще сводъ его многолѣтнихъ изслѣдованiй и ранѣе изданныхъ работъ о жизни и дѣятельности Бѣлогородскихъ архиереевъ. Этотъ трудъ обнимаетъ собою полуторастолѣтнiй періодъ — отъ основанiя Бѣлогородской

¹⁾ Изъ документовъ болѣе ранняго времени интересна приведенная на стр. 70—71 грамота царя Михаила Феодоровича (въ архивѣ Путивльскаго Молченскаго м-ря) по заключающемуся въ ней указанiю на одного изъ самозванцевъ смутнаго времени—„вора Петрушку“ (мнимаго сына царя Феодора Иоанновича). Сообщаемыя въ книгѣ данныя изъ документовъ XIX столѣтiя стр. 51—55 также интересны, но немногочисленны.

епархіи въ 1667 г. и кончая правленіемъ архіепископа Тео­к­тиста Мочульскаго, при которомъ она, вслѣдствіе предпри­нятаго правительствомъ разграниченія епархій, сообразно предѣламъ губерній, раздѣлилась на двѣ: Слободско-Украин­скую (потомъ переименованную въ Харьковскую) и Курскую или Курско - Бѣлгородскую. Посвящая времени правленія каждаго изъ семнадцати Бѣлгородскихъ іерарховъ этого періода особый очеркъ, составленный главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ документовъ (преимущественно изъ тѣхъ самыхъ архивовъ, которые перечислены выше), авторъ ставитъ центръ тяжести своей работы не въ установленіи біографическихъ подробностей, а въ освѣщеніи той среды и тѣхъ бытовыхъ условій, съ которыми соприкасались архи­пастыри въ своей административной дѣятельности. Важнѣй­шую сторону этой дѣятельности, на изображеніи которой съ особою любовію останавливается авторъ, составляютъ, кромѣ чисто пастырскихъ трудовъ Бѣлгородскихъ іерарховъ, ихъ просвѣтительныя заботы и труды по насажденію образова­нія въ мѣстномъ краѣ. „Ихъ заботами возжень былъ среди непроглядной тьмы „ученія свѣтъ“, при чемъ значительная часть этихъ іерарховъ, радѣвшихъ о духовномъ просвѣще­ніи своей паствы, были не только ревнителями, но и дѣя­телями просвѣщенія—сами стояли во главѣ учебнаго дѣла, которое развилось и совершенствовалось по ихъ авторитет­нымъ указаніямъ, подъ ихъ непосредственнымъ руковод­ствомъ. И ученіе, установленное ими въ епархіи, служило источникомъ свѣта не только для духовенства, но и для всѣхъ другихъ сословій, при томъ не епархіальнаго только района, но и цѣлаго края; въ Харьковскій коллегіумъ—это высокообразовательное, по тогдашнему времени, учрежде­ніе, имѣвшее значеніе университета для Слободской Ук­раины до учрежденія въ Харьковѣ университета и въ значи­тельной степени подготовившее почву для сего универси­тета,—свободно поступали юноши всѣхъ званій и состояній и, окончивъ въ немъ образованіе, являлись полезными, иногда даже очень видными дѣятелями на разныхъ попрі­щахъ государственной и общественной жизни во всей Рос­сіи“ (стр. 287—8). Исторіи созиданія и постепеннаго роста этого учрежденія, а равно и другихъ духовныхъ школъ, основанныхъ Бѣлгородскими архипастырями, отведено не

мало страницъ въ разсматриваемой книгѣ, наряду съ изображеніемъ другихъ сторонъ пастырско-просвѣтительной и церковно-административной дѣятельности сихъ іерарховъ. Надлежащему пониманію значенія этой дѣятельности въ исторіи духовной культуры края весьма много содѣйствуютъ обильно собранные авторомъ изъ разныхъ архивныхъ источниковъ матеріалы для характеристики умственного и нравственного уровня той паствы, которая составляла средѹ духовнаго воздѣйствія изображаемыхъ лицъ. Характеристическими чертами не только для простонародныхъ массъ, но и для болѣе высокихъ общественныхъ слоевъ являются крайняя скудость религіозныхъ знаній, обиліе суевѣрій, составляющихъ пережитокъ язычества, и грубость моральныхъ понятій, сводящая глубокія проявленія безнравственности на степень обыденныхъ фактовъ. Носителямъ духовной власти въ этой средѣ нерѣдко приходится разбирать дѣла о какихъ-нибудь „заговорныхъ волшебныхъ тетрадахъ“ (стр. 93) или обличать „невѣдомо откуда“ вошедшій въ народъ обычай, что не довольствуясь благословеніемъ Божиимъ, которое въ церкви святой чрезъ священника преподается брачующимся, „еще своими бабьими, паче же дьявольскими забобонами оное довершаютъ, теща бо выѣдетъ въ встрѣчу на вилахъ, кожихъ вывернетъ, нарядившись въ шапку, и овсомъ посыпаетъ, да еще нѣкоторые и огонь на воротахъ зажигаютъ, и чрезъ тотъ огонь нововѣнчанные идутъ, и Богъ вѣсть, нѣтъ ли тутъ какихъ приговорокъ бабьихъ или чародѣяній дьявольскихъ, что весьма въ правовѣрныхъ христіанахъ есть срамно и богопротивно“ (стр. 41). Въ семейномъ быту, кромѣ заурядныхъ проявленій распутства и случаевъ повѣнчанія четвертою и пятою женою (стр. 10 и 59), обращаютъ на себя вниманіе браки маловозрастныхъ (9—14 лѣтъ) жениховъ съ взрослыми невѣстами, при чемъ отцы жениховъ, нерѣдко уличаемые въ грѣхъ съ своими невѣстками, „случалось, съ наивнымъ цинизмомъ въ свое извиненіе говорили, что грѣшили въ услугу самимъ же мужьямъ, ихъ сыновьямъ, и на общую пользу дома, полагая, что, приживъ съ невѣстками дѣтей, которыхъ мужья по малолѣтству имѣть не могли, они сихъ невѣстокъ лучше прикрѣпятъ къ дому и съ своими мужьями жизнь ихъ сдѣлаютъ союзнѣе“ (стр. 130). Разумѣется, духовная власть

не внимала такимъ самооправданіямъ и, объявляя подобные браки недѣйствительными, приказывала „оной дѣвкѣ ходить дѣвкою, а не бабою, и выйти за другого возрастнаго замужъ“. Не многимъ лучше своей паствы было и приходское духовенство, назначавшееся на мѣста въ старое время по заручнымъ приговорамъ прихожанъ. Мало отличаясь отъ послѣднихъ по внѣшнимъ условіямъ жизни, приходскіе пастыри и по своимъ религіознымъ познаніямъ стояли сплошь да рядомъ на одномъ съ ними уровнѣ. Спустя почти столѣть послѣ учрежденія Бѣлогородской епархіи одинъ изъ ея архипастырей при первомъ же знакомствѣ съ духовенствомъ долженъ былъ съ горечью убѣдиться, что „многіе священники не только писать, но и читать мало умѣютъ“, и посредствомъ особаго указа внушать, чтобы „священники въ молитвѣ о пресуществленіи хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову вмѣсто *Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ* не говорили: *предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ*, ибо иное есть прелагаю, то есть—перемѣняю, претворяю, пресуществляю, и иное—предлагаю, то есть—объявляю, или показываю“ (стр. 126). При дальнѣйшемъ ознакомленіи того же архипастыря съ подвластнымъ ему духовенствомъ одинъ вдовый священникъ „не токмо въ книжномъ чтеніи явился неискусень, но и на вопросъ: *колико есть христіанскихъ боговъ*, отвѣтствовалъ, что не знаетъ, такожь—*колико есть заповѣдей Божіихъ и церковныхъ таинствъ*, ничего не разумѣетъ“, а другой, послѣ 20-лѣтняго священствованія, „не токмо въ знаніи до священнической должности принадлежащаго явился ничего не разумѣющимъ, но и въ отиравленіи Златоустаго литургіи, совершеніи таинствъ и въ чтеніи евангелія оказался крайне неумѣющимъ, и по старости лѣтъ научиться чтенію и священнослуженію впредь крайне не можетъ“ (стр. 126—7). Неудивительно, что для архипастырей, встрѣчавшихъ также крайнее религіозное невѣжество въ самомъ приходскомъ духовенствѣ, насажденіе духовнаго образованія въ предѣлахъ епархіи становилось одною изъ важнѣйшихъ заботъ, заставляя ихъ принудительно требовать отдачи духовными лицами своихъ дѣтей во вновь основанныя школы — подъ угрозою, что „если кто дѣтей своихъ утаитъ и не представитъ, по надлежащемъ наказаніи лишенъ будетъ мѣста“. И однако „утайка“ практикова-

лась въ широкихъ размѣрахъ, при содѣйствіи различныхъ ухищреній, а тѣ, кому не удалось избѣгнуть школьной повинности, проявляли своеобразную обструкцію полною невосприимчивостью къ преподаваемымъ знаніямъ. Такъ, студентъ коллегіума Михаилъ Терновскій, представившій предъ преосв. Іоасафомъ Миткевичемъ въ качествѣ кандидата священства, „явился не токмо въ чтеніи книжномъ неискусенъ, но и катихизиса и другихъ церковныхъ догматовъ ничего не знаетъ и не разумѣетъ, понеже на вопросъ, ему учиненный: *какое есть во Христѣ лицъ*, отвѣчалъ: *семь*, такожъ и о законѣ Божіемъ мало что знаетъ, которому, яко слушающему богословіе студенту, весьма разумѣть было бы должно“ (стр. 128). Можно ли было ожидать отъ *такихъ* пастырей успѣшной борьбы съ народными суевѣріями и нравственными недостатками или благодѣтельнаго воздѣйствія на заблуждающихся—раскольниковъ и сектантовъ? Отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующая, относящаяся къ первой четверти XVIII в., жалоба одной женщины о насильственномъ повѣнчаніи ея при дѣятельномъ и весьма странномъ участіи приходскаго священника: „въ прошломъ генварѣ 1719 г. братъ мой родной Петръ Климовъ выдалъ меня замужъ безъ совѣта моего за курчанина Василя Лукьянчикова, а мнѣ замужъ невозможно идти во вѣки—для того, что къ супружеству я совѣсти такой не имѣла; а какъ пріѣхали поѣзжане за мной, и оный братъ мой выдалъ меня насильно и привезли меня въ церковь, и тамъ я попу Максиму съ великимъ плачемъ говорила, чтобъ онъ меня не вѣнчалъ, и оный попъ билъ меня смертнымъ боемъ всенародно въ ризахъ до крови, и отъ той крови ризы окравлены были, и отъ того попова боя въ тѣ поры шла у меня кровь и изъ носу, а поѣзжане били меня въ той церкви плетьюми, а онъ попъ таскалъ меня за косу, и оный же попъ Максимъ поѣзжанамъ такія слова говорилъ: „дайте волхва“, и по тѣмъ его словамъ привели волшебника, и говорилъ онъ попъ тому волхву: „сдѣлай ты намъ, чтобы невѣста говорила наше“, и онъ волхвъ наговорилъ воду, и наговорную воду онъ и поѣзжане, схватавъ меня, влили мнѣ въ ротъ насильно, и отъ того его попова боя и наговорнаго волшебнаго напоенія стала я въ то число въ безпамятствѣ замертво, и послѣ того волшебнаго напоенія оный попъ меня билъ же и вѣнчалъ меня ни-

жайшую рабу въ безпамятствѣ, и вѣнчалъ не по правиламъ св. отецъ въ ночи въ самую глухую полночь, и послѣ того вѣнчанія привезли меня въ домъ къ означенному мужу моему Василью Лукьяничкову, и отъ того волшебнаго напоенія и донинѣ я при смерти, вся опухла и одряхлѣла. руками и ногами не владѣю, и у того мужа своего жила во дворѣ только 20 недѣль, и послѣ того оный мужъ отрекся меня и со двора сослалъ безъ одежды, а означенный братъ мой Петръ меня на дворъ не пустилъ, и на пропитаніе одежды себѣ ничего не имѣю, и питаюсь не имѣя себѣ пристанища“. Допрошенный по этой жалобѣ попъ Максимъ, правда, утверждалъ, что волхва онъ въ церковь не призываетъ, но насильственного повѣнчанія, повидимому, не отрицалъ, равно какъ не отрицалъ и того, что „билъ ее, просительницу, въ церкви по щекамъ за то, что, когда онъ подносилъ къ ней для цѣлованія крестъ, она вся затряслась и цѣловать креста не хотѣла, въ чемъ онъ, попъ, усмотрѣлъ принадлежность ея къ расколу, почему и билъ ее, какъ раскольницу“ (стр. 15—16; то же въ Свѣд. о нѣкот. архивахъ, стр. 16—17). Очевидно, въ отношеніи къ раскольницѣ битье въ церкви по щекамъ представлялось попу Максиму мѣрою вполне позволительною и цѣлесообразною. Не легко было Бѣлогородскимъ архипастырямъ благотворно воздѣйствовать на свою паству, имѣя такихъ сотрудниковъ и исполнителей своихъ духовно-просвѣтительныхъ начинаній; но тѣмъ выше ихъ заслуги и цѣннѣе плоды ихъ дѣятельности. Разумѣется, не всѣ они стоятъ на одинаковой высотѣ: рѣзкимъ темнымъ пятномъ выдѣляется среди нихъ молдаванинъ митрополитъ Антоній Черновскій, оставившій крайне печальную память по себѣ своими скандальными дѣяніями, несвойственными православному архіерею (см. стр. 65—78). Не принадлежитъ, конечно, къ свѣтиламъ Бѣлогородской церкви и заочно, по болѣзни, правившій епархіей епископъ Арсеній Берло, о которомъ изъ донесенія посланнаго къ нему съ привѣтствіемъ и „гостинцемъ“ отъ епархіи депутата мы знаемъ только то, что онъ радушно „потчувалъ“ своихъ гостей присланною въ даръ водкою и что у него „въ обѣдѣ и потомъ пили довольно“ (стр. 53). Недостаткомъ нестяжательности могутъ быть упрекнуты архіепископъ Петръ Смѣличъ, простодушно требовавшій особымъ указомъ *добровольныхъ*

даровъ себѣ и келейникамъ за „поповленіе“ ставленыхъ грамотъ (стр. 61), или епископъ Аггей Клоссовскій, большой охотникъ до „презентовъ“ отъ подчиненныхъ (стр. 220—223). Даже въ дѣятельности лучшихъ изъ архипастырей есть свои тѣни, къ числу которыхъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, надо отнести слишкомъ щедрое примѣненіе церковныхъ отлученій (стр. 106 и д.) и тѣлесныхъ наказаній (стр. 100—106), какъ мѣръ духовнаго исправленія и вразумленія. Но чтобы правильно судить о подобныхъ проявленіяхъ архипастырской ревности, не нужно забывать того времени и той среды, въ которой они дѣйствовали: грубыя понятія и нравы требовали и ощутительныхъ средствъ воздѣйствія на нихъ. И во всякомъ случаѣ, не смотря на указанныя тѣни, за этими архипастырями остается та неоспоримая заслуга, что они—по счастливому выраженію автора—„были не только святители, но и просвѣтители страны“, заслужившіе себѣ славную память въ культурной исторіи края.—Къ книгѣ приложены фотографическіе снимки съ портретовъ всѣхъ Бѣлогородскихъ архіереевъ, кромѣ заочно правившаго епископа Арсенія, и факсимиле подписей, за исключеніемъ четырехъ, для которыхъ автографовъ автору не удалось отыскать.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать обѣимъ книгамъ проф. Лебедева, взаимно дсполняющимъ другъ друга, широкаго распространенія въ виду свѣжести и интереса заключающагося въ нихъ цѣннаго историческаго матеріала.

И. Громогласовъ.
